

несохранившиеся спирт-истории

А.И.ЮНИН

Алексей Юнин

Несохраненные спирт-истории

«Автор»

2024

Июнин А. В.

Несохраненные спирит-истории / А. В. Июнин — «Автор», 2024

Сборник из семи спиритических историй, действие которых происходит в течении одного столетия, но в разных странах и с разными людьми. Читатель погрузится в неохваченный наукой нематериальный мир, заглянет в глаза призраков и ощутит влияние тех, кого лучше было бы не тревожить.

© Июнин А. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

История 1	5
Штрихи	5
История 2	13
Джентльмены	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Июнин

Несохраненные спирит-истории

История 1

Штрихи

Австрийская империя. Замок Крусс. 1852 г.

В зале было темно и тихо, если не считать потрескивания шести свечей, вставленных в два подсвечника, которые, в свою очередь, стояли по двум краям круглого стола, накрытого черным сукном. Помещение пребывало в полумраке из глубин которого проступали очертания мебели, будто осознанно спрятавшуюся в самые незаметные углы, подальше от этих чудных людей и их противоречащими законам Божиим экспериментами. Барон сел напротив сестры и не отрывая взгляда карих глаз от ее мерцающего в свечном пламени лица, глубоко вдохнул. Его лицо было торжественно бледным и таким же безжизненным как у Гретхель. Одна из свечей неожиданно зашипела, пуская искорки, барон неврастенически вздрогнул. В душном зале датского замка Крусс стоял усыпляющий запах гашиша. Сам хозяин замка барон Людвиг фон Круссе не принимал гашиш – он предназначался для Гретхель, которая, закатив глаза к высокому потолку, чуть шевелила губами. Иногда голос ее повышался, будто она стремилась успеть сказать что-то очень важное, но тут же на полуслове обрывался. Барон давно оставил попытки понять этот язык.

Несмотря на то, что окна были накрепко закрыты на шпингалеты и в таком положении не могли пропускать уличный воздух – плотные портьеры почему-то иногда колыхались. Это постоянно отвлекало барона и он силился разглядеть за ними кого-то, кто мог бы там прятаться, хотя прекрасно знал, что в зале кроме него и Гретхель никого не было и быть не могло. Однако, невидимое присутствие кого-то невидимого и потустороннего не давало барону покоя. Он то и дело делал судорожные вдохи – гашиш, похоже, действовал и на него. Гретхель, закрыв глаза, продолжала очень тихо что-то говорить на непонятном наречии.

Фон Круссе заметил, что свечи затрещали сильнее, чем до этого, а тонкие пальцы его сестры стали осторожно шевелиться, как будто ощупывая воздух. С тех пор как у Гретхель обнаружился дар медиума, барон наблюдал такое много раз, но вот только именно сейчас он по-настоящему почувствовал в этом зале присутствие постороннего.

Слегка зазвенела хрустальная люстра. Опять колыхнулась портьера...

Ощущение присутствие кого-то незримого было настолько сильным, что это казалось странным и барону стало нехорошо. Пожалуй, он признавался себе что ощущает щекотание самого настоящего страха и не такого какой у него был в юности когда он переправлялся через ущелье в Альпах и под копытами его коня лопнул канат моста. И не такой, когда его арестовали по ложному донесению и пригрозили гильотиной. В тех случаях самое страшное что могло с ним случиться – всего-лишь смерть. Быстрая, невинная смерть. А сейчас происходит нечто неизвестное, предзнаменующее что-то непредсказуемое. Фон Круссе мог-бы сравнить это с приподниманием материи, прикрывающей лик умершего. Бывало, что барон, будучи занят каким-либо делом не замечал, что кто-то к нему подходит со спины – он не видел и не чувствовал. А вот сейчас он чувствует. Но не видит. Барон Людвиг фон Круссе впервые ощутил себя чужим в собственно фамильном замке, которым владел уже девятый год. Ему казалось, что кто-то или что-то его изучает. Именно ИЗУЧАЕТ.

Барон испуганно огляделся. В каждом темном углу ему мерещилось что-то живое, а так как зал весь состоял из темных углов, то у барона обострилось чувство нюктофобии и он едва не поддался порыву отменить этот спиритический сеанс и броситься вон из зала. Подальше! Туда где горит камин, где его любимый итальянский клавесин с раскрытой партитурой, где пара бутылок вина и что-нибудь на ужин. Уйти! Прекратить это все, остановить сестру и, похлопав ее по плечу, сказать: «Ну все, Гретхель, не стоит продолжать, давай не будем. Я прикажу Гансу открыть ставни и проветрить, надо завязывать с этой мистикой, Гретхель, это была не самая удачная идея».

Барон уже почти встал из-за стола, его ладони уперлись в столешницу, спина напряглась... Вдруг – шорох сразу со всех сторон. Мыши? Нет, это не мыши, это что-то всеобъемлющее как воздух, как сама атмосфера. Тут рядом определенно кто-то находится! Но в помещении никого кроме него и Гретхель не могло быть – прислуга внизу, жена с детьми в Вене.

«Хватит, черт возьми!» – мысленно приказал барон и вдруг руки Гретхель начали подниматься, глаза открылись и заблестели желтым цветом, отражая свет свечей. Эти глаза как будто видели что-то шокирующее и другим не видимое.

– Он тут...

Ее голос был тихий и отрешенный.

Гретхель уже в четвертый раз вызывала дух Кира Иоганна Дебеца – их с бароном далекого предка. Но прежние сеансы оканчивались ничем. А вот теперь она произнесла: «Он тут».

«Он тут... Он здесь... – судорожно думал барон, косясь по темным углам, – О, Боже, неужели, получилось! Он тут...» Опять зазвенела люстра и заскрипела половая доска.

Кир Иоганн Дебец – придворный алхимик самопровозглашенного короля Карла-Годфрида I был знаменателен тем, что ему удалось сделать то, что не удавалось никому ни до, ни после него, хотя над этим поломали головы сотни наивных и устремленных людей – ему удалось найти философский камень! За это, если верить хранящимся в библиотеке замка старому с трудом читаемому документу, он был сожжен на костре на центральной площади Бонна своим же королем. Все записи, сделанные Дебецом были сразу же утеряны, однако после казни придворного алхимика самопровозглашенный король Карл-Годфрид I стал странным образом быстро богатеть пока неожиданно не был заколот отравленным клинком.

И вот спустя шесть столетий, алхимик Кир Иоганн Дебец снова явился в материальный мир. Да-да, явился! В этом барон не сомневался!

– Он тут, в этом зале, – сказала Гретхель, медленно двигая зрачками по темным стенам зала, – Да... Я вижу... Он готов нам помочь, Людвиг.

Барон дрожащими руками положил на стол лист бумаги и небольшой уголек. Гретхель вновь закрыла глаза и надолго замолчала. Сквозняка не было, но шторы колыхались, а огонь свечей заплясал, отбрасывая беснующиеся бесформенные тени. Наконец Гретхель открыла глаза и потянулась к угольку. Барон знал, что она сейчас будет писать от лица Дебеца. Легендарный алхимик будет водить ее рукой, так же как до этого Александр Македонский, Софокл и скончавшийся четверть века назад российский император Петр Великий.

Гретхель не успела дотянуться до уголька как...

Уголек подскочил!

Просто подскочил, как если бы кто-то ударил снизу коленкой по столу. Потом подскочил еще раз! Барон вздрогнул и сам чуть не подскочил на жестком стуле.

Раньше такого не было!

А Гретхель, казалось, не была удивлена. Она опустила ладони на стол и закрыла глаза. Опять что-то зашептала. Барон неотрывно следил за ожившим угольком, который иногда шевелился и чуть-чуть подпрыгивал, оставляя на сукне темные точки. Чуть-чуть, но все-таки!

Вдруг Гретхель открыла глаза и как-то растерянно посмотрела на брата.

– Он желает все сделать сам, – в ее голосе звучала неожиданность.

– Что? Как сам? – спросил барон.
– Дебец хочет нам что-то передать... Но без моей помощи.
– Как же? – барон опять огляделся. – Он же не материален.
– Тише, Людвиг, – упрекнула его сестра. – Не говори так громко.
– Каким же способом он хочет общаться? – барон перешел на шепот.
– Я не знаю... Я не понимаю... – Гретхель вновь закрыла глаза и, как будто, углубилась в себя. – Не могу понять... Кажется... – Она открыла глаза, – Людвиг, нужна какая-нибудь шкатулка или ящичек.

– Шкатулка? – Барон встал, искательно бегая глазами. Неуверенно он подошел к небольшому комоду у занавешенных портьер и, щурясь от темноты, достал французскую шкатулку. В ней хранились письма от его супруги. На комод стояло небольшое круглое зеркальце в медной оправе и на мгновение барон увидел в нем отражения половины своего белого от волнения лица, а за плечом... Барон резко и шумно развернулся, половицы под ногами жалобно скрипнули, шторы колыхнулись... Показалось. Удостоверившись, что тьма теней прячет в себе только мебель хозяин замка Крусс выдохнул и позволил себе немного снять напряжение мышц. Письма жены он вынул из шкатулки и положил обратно в ящик комода, а опустевший предмет поставил перед Гретхель на стол.

Не размыкая глаз сестра на ощупь открыла шкатулку и положила туда лист бумаги с угольком. После этого она попросила брата запереть шкатулку на ключик и погасить свечи. Барон так и сделал. Оставив запертую шкатулку в центре круглого стола, барон Людвиг фон Круссе и его сестра Гретхель вышли из зала.

Гретхель была на грани потери сознания и едва держалась на ногах, барону приходилось ее поддерживать за талию.

– Ганс! – позвал барон своего преданного слугу, – Ганс!

Прибежал старый сонный слуга (достался в наследство еще от деда). Он привычным движением заботливо подхватил девушку и забормотал что-то любезное.

– Ганс, отведи Гретхель в ее комнату и дай ей немного коньяку, – распорядился барон.

– Конечно-конечно, – закивал залысиной Ганс и дуя ей на лицо, повел Гретхель вниз по огромной мраморной лестнице.

– Людвиг, ты точно запер шкатулку? – очень слабым голосом спросила Гретхель, – А зал ты закрыл? Закрой комнату, что бы никто туда не вошел. Обязательно закрой зал, Людвиг. Никто не должен входить туда до утра, слышишь? – Ганс вытер ей лоб шелковым платочком, – Утром мы узнаем, что хотел нам передать Дебец.

– Ты думаешь... он напишет это на бумаге? – спросил барон у сестры-медиума.

– Он сам мне это сказал, Людвиг. Главное не входить в комнату!

Ганс увел Гретхель, бормоча что-то вроде: «Совсем себя не жалеете!» и «Ну разве можно так?», а барон нащупывал в кармане сюртука ключ от шкатулки. Почему-то он казался ему холодным как ледышка. Он достал связку других ключей – от залов. Нашел нужный и вернулся к комнате, где была оставлена шкатулка. Он еще чувствовал запах гашиша и присутствие кого-то незримого в зале. Как же ему хотелось распахнуть дверь и убедиться, что за нею никого нет! Только огромным усилием воли он заставил себя запереть дверь на ключ и быстро покинуть это крыло замка.

Спустя 13 дней.

Запряжённая шестеркой лошадей карета мчалась по ухабам и кочкам, везя в своем уютном чреве двух весьма влиятельных господ – барона Людвиг фон Круссе и вице-адмирала Огюста Христофора Фиштайна – президента мореходного училища, у которого седые густые бакенбарды переходили в шикарные пышные усы. Посеребренные спицы каретных колес лихо сверкали на летнем солнце, а пажи в аляповатых мундирах и ярких плюмажах подпрыгивали

на козлах, когда каретное колесо влетало в кочку или ямку. Несмазанные рессоры в такие моменты натужно скрипели.

Барон и вице-адмирал были старинными знакомыми, можно даже сказать, друзьями.

– Зачем же так спешить? Ох! – кричал в трясущейся карете Фиштайн, – Ты же знаешь, Людвиг, что я не люблю тряску. У меня же мигрень... Эй там, на козлах! Поттише, собаки, тысяча чертей! – топот копыт сбил ритм и карета немного замедлила ход.

– Огюст, у нас мало времени, – говорил ему фон Круссе, – Я не сказал тебе, что король назначил меня дипломатом в Берлин и завтра с утра я уезжаю, значит мы должны провести сеанс именно сегодня не позднее полуночи. А уже смеркается! – Карета направлялась в замок Крусс через дремучий лес. Вице-адмирал недовольно хмурился по сторонам – он привык к открытому морю, где прекрасно виден весь горизонт, по-этому в лесу всегда чувствовал скрытую опасность. Особенно он не любил, почему-то, кедры. – Так вот... – продолжал барон, указывая куда-то пальцем, – Когда утром мы открыли шкатулку, там по-прежнему лежал лист бумаги, но на нем были линии. ЛИНИИ, Огюст! Хотя я клал туда абсолютно чистый лист. Понимаешь, Огюст?

– Ты мне это уже говорил, – Фиштайна радовало в этой поездке только то, что при тряске все его медали и ордена приятно звенели, – Людвиг, дружище, достань-ка тот лист. Я хочу взглянуть еще раз.

– Да-да. Но я не говорил тебе, что было дальше! – Барон достал из саквояжа несколько бумажных листиков. Выбрав один из них, он протянул его Фиштайну.

– И по-твоему, десять тысяч чертей, вот это написал Кир Дебец? – с сомнением смотрел вице-адмирал на непонятные ему листочки через монокль, – Человек, отдавший Богу душу в четырнадцатом веке!

– Да! И будь я проклят, если это не так!

На листочке было неаккуратно накарябано несколько штрихов. Вице-адмирал покосился на барона.

– Как ты думаешь, Огюст, что это может быть? – спросил фон Круссе. – Рисунок? Буквы?

– Тысяча чертей, не имею ни малейшего представления! Просто штрихи!

– А вот теперь слушай дальше! – барон протянул вице-адмиралу другой листочек, – На следующую ночь мы с Гретхель провели повторный сеанс и так же оставили лист бумаги и кусок угля. И что ты думаешь? На утро на бумаге были штрихи, но уже больше, чем в первый раз. Вот этот лист, взгляни, – лист был похож на первый, только штрихов там было побольше, – Мы стали проводить сеансы каждую ночь. И каждое утро находили странные послания. В последствии мы перестали класть в шкатулку уголь, а штрихи все равно появлялись! Как ты себе это представляешь, Огюст?

– Никак, Людвиг.

– Мы перестали ставить шкатулку, а просто оставляли лист на столе – а штрихи все равно появлялись! Вот они.

Вице-адмирал внимательно изучал каракули, напрягая всю свою фантазию в потугах что-нибудь разобрать. На листах в верхних правых углах рукой барона стояли даты. И с каждым днем (вернее ночью) каракули становились аккуратнее и даже получалось что-то похожее на текст. На последних листах можно было разобрать даже некоторые буквы.

Карета в очередной раз, скрипнув рессорами, подпрыгнула на ухабе от чего у вице-адмирала слетел монокль. Это оторвало его от бумажек.

– Вот это похоже на слово «всё», – тыкал пальцем в бумажку барон, – а вот это можно прочитать как «уже».

– Знаешь, Людвиг, это можно прочитать как угодно, десять тысяч чертей. Вот я, к примеру, читаю вот это слово как «португалец». Ох уж эти португальцы!

Последние слова Фиштайна барон пропустил мимо ушей.

– Если ты присмотришься внимательней, Огюст, ты увидишь, что на всех листках написано одно и то же. Только на ранних листках ничего не понятно, но штрихи те же и расположены в тех же местах, что и на поздних.

Вице-адмирал протер монокль и вновь прижал его надбровной дугой.

– А в комнату точно никто не мог войти? – спросил он у барона, – Может это твоя сестра написала или этот... как его... Ганс?

– Нет! Никто! Скорее твои ордена не настоящие, чем эти надписи! Все ключи от залов я всегда ношу с собой, дубликатов нет, я уверен.

– Людвиг, в твоём замке слуг больше, чем проклятых мышей в трюмах судов из Африки. Так неужели тебе не приходило в голову, что они обитают в нем на правах хозяев и самому безмозглому пришла в голову идея обводить и тебя и милую Гретхель вокруг пальца. Не удивлюсь, если в твое отсутствие самый последних твой полотер за бутылочкой испанского хохочет над удачной шуткой что твоя лошадь. Ты проверяешь свои погреба, Людвиг?

– Ах, Огюст, мы же с тобой об этом говорили. Слуги не при чем. Я лично дежурил в фойе.

– Потаенные двери? – осторожно предположил Фиштайн.

– Их тоже там нет. Я для того и пригласил тебя сегодня, что бы ты был свидетелем. Сегодня последний сеанс перед тем, как я уеду в Германию и я думаю, что все пройдет так как надо, мы сможем-таки прочесть, то, что пытается нам донести Кир Дебец.

Карета, тем временем, подъезжала к замку Крусс. Из-за крон раскидистых деревьев в синеем небе были видны острые шпили старинных башен из коричневого кирпича. В ступающихся сумерках они выглядели довольно устрашающе и создавали неких эффект средневековья, когда в этих местностях активно жгли ведьм.

– И вот это вот ты называешь ПСИХОГРАФИЕЙ? – спросил Фиштайн, имея в виду штриховые загогулины.

– Именно! Психографией! – кивнул фон Круссе. – Только это ни я их так называю. Так это называл лифляндский барон фон Гюльденштуббе, который тоже получал такие послания, – ладонь барона сжалась в уверенный кулак – Я уверен, что умершие могут оставлять нашему миру послания! Послания из другого мира!

В этот момент карета подскочила на кочке и один из лакеев не удержался и слетел в траву, едва не разодрав чулки. Вице-адмирал выругался, но молодой человек, догнав карету и умудрившись запрыгнуть на свое место прямо на ходу. Однако паричок он все-таки потерял.

– Из мира умерших? – вернулся к прерванному разговору Фиштайн.

– Из мира умерших!!! – ответил вон Круссе, укладывая бумаги обратно в саквояж. – Мы стоим на пороге религиозной революции, Огюст! Скоро мы сможем свободно общаться с потусторонними мирами посредством этой самой психографии! Мы сможем узнавать будущее, прошлое и настоящее! Мы сможем разгадывать доселе неразгаданные загадки! Преступления мы тоже сможем разгадывать! Мы узнаем такие вещи, о которых не имеем даже представления, Огюст! В последствии, кто знает, может быть нам удастся общаться с самим Творцом! Ты представляешь, Огюст! Представляешь?

– Мне кажется, Людвиг, ты немного преувеличиваешь, десять тысяч чертей.

– Да, я понимаю, что это звучит удивительно и кого-то, вероятно, может даже испугать, но я уверен, что это, в конце концов, будет! Будет!!! – Барон взглянул на вице-адмирала, – Я вижу, ты не веришь...

– Ну... Знаешь ли... Тысяча чертей... Это, действительно, звучит довольно невероятно.

– Понимаю, – кивнул барон, – я сам по началу не верил. Но я тебе докажу, Огюст. Сегодня ночью мы проведем сеанс и ты лично будешь свидетелем проявления психографии!

– Прелюбопытно будет посмотреть... – Фиштайн освободил глаз от монокля, дыхнул на него, протер о полу мундира и сунул в карман, поправив позолоченную цепочку, так, что-бы она бросалась в глаза. – Весьма прелюбопытно, Людвиг.

Позднее

Барон Людвиг фон Круссе, держа руки за спиной, хмуро шагал по залитому утренним светом коридору своего фамильного замка. Он был походно одет и провожал последние минуты в своих родных чертогах. Ему очень не хотелось уезжать в неудобный Берлин, но отказывать императору Францу-Иосифу он не мог. Хотя, если сослаться больным? Нет, уже все было готово к поездке.

В потном кулаке он сжимал сильно помятый листочек с неровными каракулями, будто их выводил клинический идиот. В других обстоятельствах этот глупый листочек пошел бы в камин или на папирску конюху, но сейчас этот документ вызывал в душе барона холод. Этот небольшой лист бумаги он достал из шкатулки два часа назад и, прочтя его вслух перед свидетелями, побледнел и находился в таком состоянии до сих пор. Тот озноб, который побежал по его телу после прочтения, сохранялся в его нутре и по сей час.

Фон Круссе остановился перед большим окном и стал наблюдать за последними приготовлениями к отъезду. Слуги грузили багаж в повозку, запряженную четверкой лошадей, кучер поправлял ремни и расчесывал гривы. Кони нетерпеливо фыркали и стучали копытами по булыжникам.

Барону не давали покоя слова на листочке. Сестра Гретхель, услышав их из его уст, лишилась чувств и старому Гансу пришлось долго хлопотать над ней, прежде чем она пришла в себя. Сейчас она лежала в своей комнате в предобморочном состоянии, а доктор уже устал давать ей нашатырь. Огюст Фиштайн и другие, кто присутствовал на ночном сеансе, так и не смогли произнести что-то вразумительное, а только непонятливо хлопали глазами. Спустя двадцать минут от приглашенных гостей не осталось и следа, кто-то даже забыл перчатки. Первым умчался вице-адмирал с седыми бакенбардами, переходящими в усы.

Тени от замка становились отчетливей медленно двигались, давая понять о восходе солнца и о том часе, когда Людвиг фон Круссе должен отправиться в путь. Барон еще какое-то время стоял перед окном, отрешенно смотря на утренний пейзаж. Он не шевелился – было не зачем, и молчал – не с кем было говорить, да и не о чем. Он так глубоко углубился в самоанализ произошедшего, что даже не услышал, как сзади к нему подошел Ганс и нерешительно остановился поодаль. Слуга пришел позвать барона, но, видя, что тот озабочен, тихонько стоял, чуть склонив голову, стараясь не мешать.

Барон в двадцатый раз прочел слова, написанные непослушной рукой (предположительно рукой Кира Иоганна Дебеца): «НЕ БЕСПОКОЙ НЕ ЗОВИ НЕ ВОЗВРАЩАЙ». Что имел в виду Дебец, если, конечно, это был он. До этой ночи им с Гретхель не удавалось добиться более-менее читаемого текста. А вот этой ночью все-таки получилось, но... Лучше бы не получилось. Этот текст напугал всех и барон испытывал чувство стыда за то, что довел уважаемых гостей до испуга. Он не думал, что так получится.

Барон краем глаза все же заметил, стоявшего в стороне слугу и, глубоко вздохнув, порвал мятый листочек на мелкие обрывки.

После чего взял протянутую Гансом дорожную трость и перчатки, и быстрым шагом спустился по лестнице к приготовленной повозке.

Германия. Берлин. 1853 год.

Ранней осенью, уже, будучи в германской столице, барон получал психографические послания даже без специальных сеансов. Дошло до того, что он просто оставлял, например, газетный обрывок на столе в гостиничном номере и через какое-то время обнаруживал на нем странные каракули, смысл которых можно было интерпретировать по-разному. Ради интереса он оставлял листочки в совершенно произвольных местах – в трактирах, на бортах торговых фрегатов, на мостах через каналы, просто на парковых скамьях и на удивление не только при-

глашенных свидетелей, но и самому себе, на листах проявлялись фразы. Прямо на глазах. В солнечный полдень в людных местах! Барону достаточно было только мысленно позвать того или иного умершего человека и немного сосредоточиться. Даже Гретхель для этого была не нужна.

Разумеется, такое дело облетело почти все европейские газеты и сотни людей в это не верили и на адрес барона приходили мешки писем, где люди возмущались его наглым и бессовестным обманом. На письма он не отвечал, не только потому, что у него просто не было на это времени – прежде всего, у него не было желания бесконечно объясняться. Он выбрал другую тактику – барон просто собирал людей и на их глазах выполнял их просьбу вызвать тех или иных ушедших в мир иной родственников. Спустя некоторое время на приготовленном им бумажном листе проступали более-менее собранные в некий порядок штрихи, которое при желании можно было прочесть в слова.

Он получил письмо от супруги Елены, в котором она сообщала, что хочет приехать в Берлин с обоими детьми и вместе встретить Рождество. Безмерно счастливый барон немедленно отослал ответное письмо в котором искренне надеялся, что обнимет и ее и детишек уже до наступления холодов. Однако, запечатав письмо оттиском фамильного перстня барон фон Круссе призадумался. Некое тревожное чувство окутывало его с головы до ног, постоянно просыпаясь вместе с ним по утрам. Это было предчувствие трагедии, беды и барон только сейчас признался в этом самому себе, когда смотрел на конверт, адресованный в Вену супруге. И он написал другое письмо, а это отправлять не стал. В другом письме он попросил Елену оставаться в Вене или приехать в замок Крусс, но не ехать в Германию, так как совсем скоро он будет готовиться к обратной дороге и до Рождества должен вернуться домой. Он врал. Поручение императора Франца Иосифа I было не таким простым, чтобы закончить его к Рождеству и даже, наверное, к весне.

В ноябре к барону в Берлин вместо супруги и детей приехала Гретхель, временно оставив замок на попечение слугам. Прожив полгода в пустом замке она поняла, что больше так не может. Она призналась барону в том, что не говорила ему ни в одном письме и не делилась ни с одним человеком – она не может избавиться от навязчивой идеи о том, что в фамильном замке Крусс обитает некто неизвестный. Слуги клянутся, что ничего не знают и никого не видят, но медиумный дар, полученный ею в подростковом возрасте (как и у ее брата) позволяет ей чувствовать присутствие некого духа, с некоторых пор обитающего в стенах замка.

– Это Дебец! – взволновано рассказала Гретхель брату. – Мы с тобой его вызвали и он остался. Он тревожит меня, Людвиг, он обитает в нашем замке привидением!

– Ты его видела, сестра?

– Я его чувствую. Мне было одиноко и страшно, я ждала Елену с мальчиками, но не выдержала. Не было больше сил, я не могла спать, пребывала в постоянной тревоге, мне снятся ужасные сны. Я чувствовала Дебеца, особенно по ночам. Это было страшно. Но знаешь... Мне кажется, что я продолжаю его чувствовать...

– Что ты говоришь? Это нервы, сестра, это все нервы. Тебе надо проветриться, завтра-же вместе посетим театр, выйдем в свет. Не думай о Дебеце, не думай о том, что его дух тебя преследует и что ты привела его с собой...

– Откуда ты знаешь? Я не говорила, что он меня преследует.

– Но ты... э... мне так показалось...

– Ты тоже его почувствовал! – заключила Гретхель. – Людвиг, признайся! Ты почувствовал Дебеца?

Барон соврал. Он коротко качнул головой. Гретхель проглотила ложь.

Присоединившись к брату она стала помогать ему проводить спиритические сеансы с проявлением эффекта психографии. С ее помощью к зиме барон добился оглушительного успеха. Известность обрушилась на брата и сестру фон Крусс как лавина и они решили исполь-

зовать это в своих корыстных целях. За психографическое письмо от того или иного умершего они стали взимать плату. Пусть не большие, но все-таки деньги...

Но каждый раз, получая послание от умерших, барон боялся посмотреть на листочки, пугаясь обнаружить там какие-либо четкие слова, которые можно было бы прочесть и понять. Ему достаточно было одной единственной фразы от Кира Дебеца, полученной в прошлом году в замке Крусс. что бы бледнеть после каждого такого сеанса.

А что она означала, он понял только за несколько секунд до своей трагической смерти, когда в один из сеансов на заснеженном кладбище в окрестностях Берлина, происходившем под сильной вьюгой, он увидел перед собой серое вытянутое лицо со впалыми щеками и провалившимся носом. Лицо щурилось и кривилось. Гретхель, увидев его, упала в обмороке на руки одному из приглашенных офицеров. Остальные же гости, коих была целая толпа, с криками разбежались, поднимая подола тяжелых юбок и придерживая высокие цилиндры. Барон Людвиг фон Круссе остался стоять на месте, как вкопанный и хватать ртом холодный воздух. Некрасивое мужское лицо приблизилось к барону. Из ниоткуда появились ладони с острыми пальчиками, которые сомкнулись на шее барона.

Позже в берлинском городском морге доктор Фредериксон, проводивший вскрытие тела барона, резко макая гусиное перо в чернильницу напишет, что смерть австрийского посла Людвиг фон Круссе произошла в результате остановки сердца. Кстати говоря, доктор Фредериксон присутствовал на том злополучном сеансе и его самого чуть не ударил инсульт.

Гретхель вернулась в фамильный замок на севере Австрии и больше никогда в жизни не проводила сеансы психографии. Она прожила еще долго, но до конца своих дней пила успокоительные капли и была на учете у многих венских и будапештских психиатров пока не скончалась в безумной горячке на руках у рыдающей Елены в родовом замке Крусс, что пронзал острыми шпильями фиолетовое тогда уже австро-венгерское небо. Последними ее словами, повторяемыми несколько недель подряд были: «ТОЛЬКО НЕ НАДО БЕСПОКОИТЬ НЕ НАДО ЗВАТЬ НЕ НАДО ВОЗВРАЩАТЬ».

История 2

Джентльмены

Великобритания. Лондон. 1876 г.

– Мистер Чендайзер, доктор Леманн, проходите, пожалуйста, – прекрасно сложенный красивый мужчина с густыми усами сделал пригласительный жест в гостиничный номер, пропуская двух джентльменов.

– Добрый вечер, мистер Слэйд, – джентльмены пожали мужчине руку и с легким поклоном вошли в комнату.

В гостиничном номере куда вошли приглашенные мистер Джереми Чендайзер и доктор Альфред Леманн были плотно занавешены окна, и, если бы не уличный фонарь, горевший прямо под окном, и освещающий комнату несильной голубизной, вряд ли бы увидели еще одного человека, скромно сидевшего на стуле за письменным столом.

– Прошу знакомиться, – усатый Генри Слэйд указал ладонью на сидевшего за столом пухленького высоколобого человека с не совсем развитой нижней челюстью, придающей его лицу черты младенца. – Это мистер Фридрих Целльнер – профессор астрофизики Лейпцигского Университета.

– Приятно видеть вас, мистер Целльнер, – кивнул длиннородый доктор Леманн, вешая зонтик на рогатую вешалку, – Скажите, это ведь вашим трудам современная наука обязана такому новому понятию как астрофотометрия? Простите, мы с мистером Чендайзером не сильны в изучаемой вами области астрофизики, любопытство наших умов блуждают в более низших слоях.

– Ну что вы, доктор Леманн! Не стоит преуменьшать ваш вклад в изучение психологической природы суеверий, – заулыбался в усы Генри Слэйд. – Проходите вот сюда, присаживайтесь.

– Надеюсь, господа, мы с мистером Чендайзером не будем свидетелями какой-нибудь придуманной мистером Целльнером оптической иллюзии, которые он так любит.

– Помилуйте, джентльмены! – ответил за профессора мистер Слэйд. – Профессор изучает звёзды и их излучение.

– Да, – кивнул профессор и поправил очки на носу, – Но это совершенно ни как не относиться к нашему делу, – представленный мистер Целльнер приподнялся, пожал вошедшим руки и жестом пригласил садиться за стол. У него был немецкий акцент, что доказывало его причастность к Лейпцигу. Хотя что может быть легче изобразить немецкий акцент? Разве что изобразить английский.

– Желаете ли чаю? Или, быть может, что-то покрепче? – предложил Слэйд. – Есть изумительный кальвадос...

– Нет, спасибо, – в один голос отказались гости. – Если можно, давайте сразу к делу.

– Как вам будет угодно, господа. Мистер Целльнер специально приехал из Лейпцига наглядно продемонстрировать существование параллельных миров, – заявил вошедшим гостям мистер Слэйд и встал подле окна. Глухой свет от уличного фонаря освещал его лицо синеватым цветом. – Хочу сразу предупредить, джентльмены, что все, что вы сейчас увидите – не подстроено, потому, что предполагаю, что у вас возникнут некоторые сомнения. Все происходящее будет чистейшая правда, господа. За все это отвечает мистер Целльнер, и, уж поверьте мне, джентльмены, этот уважаемый и известный человек не станет опускаться до обмана. Он все-таки занимает определенное место в обществе и не будет кидать тень сам на себя.

Мистер Джереми Чендайзер – мужчина в самом расцвете сил, с набриолиненными волосами и пижонскими усиками по верхней губе, присел в мягкое но скрипучее кресло, покрытое белой бязью. Доктор психологии Альфред Леманн – джентльмен постарше с бородой и круглыми очечками осторожно опустился на стул, словно боясь его раздавить. Они оба пришли с одной единственной целью – разоблачить эту таинственную парочку – Целльнера и Слэйда о которой говорят уже все высшее общество Лондона. Слухи о спиритических сеансах мистера Слэйда будоражили матушку Европу не первый год и каждый уважающий себя реалист старался найти доказательства бессовестного жульничества со стороны алчного пройдохи. О мистере Генри Слэйде и его сеансах с воззванием духов и призраков, с его предсказаниями и телепатией, с его левитацией и перемещением предметов силой мысли писали газеты. Он путешествовал по городам Европы, проводя платные сеансы и везде его пытались разоблачить и вывести на чистую воду. Даже сама королева Великобритании как-то заикнулась, что было бы неплохо полюбопытствовать за этим милым фокусником своими глазами. Но пока до этого дело не дошло.

– Значит, говорите – «параллельный мир»? – спросил мистер Чендайзер у Целльнера, – Простите мою недалекость, не могли бы вы объяснить нам с доктором Леманном какой именно мир вы имеете в виду. Мир призраков? Умерших душ?

– Да, если хотите, – согласно кивнул профессор и опять поправил крошечные очки на носу, – Параллельный мир! Скажите, господа, вы верите в полтергейст? Самовоспламенение? Или в, так называемых «домовых»?

– Ну... я лично много слышу об этом, я, знаете-ли, давно изучаю эту тематику, хотя сам ни разу не сталкивался с подобными сомнительными явлениями, – ответил доктор Леманн.

– Сейчас столкнетесь! – гости аж вздрогнули от этих слов. – Если «домовые» могут передвигать мебель, поджигать вещи и делать другие подобные «шалости», то почему бы не предположить, что этими своими выходками они хотят что-то сказать нам, живущим в этом мире? – задал вопрос мистер Целльнер и стал ждать ответа или хотя бы какого-то предположения на этот счет у гостей.

Мистер Чендайзер и доктор Лемман переглянулись.

– Я могу закурить? – спросил Чендайзер

– Да, пожалуйста, – Целльнер достал из ящика стола пепельницу и поставил ее перед мистером Чендайзером, – Так вот, если расширять эту теорию, то появляется вопрос – если домовые хотят что-то сказать, то почему бы не дать им эту возможность? Не создать им специальных условий?

– Продолжайте, мистер Целльнер, – Чендайзер достал трубку и жестянку с табаком и принялся набивать. – Медиумы, насколько я знаю, этим и занимаются.

– Да, но медиумы входят в непосредственный контакт с духами, а я имею в виду немного другое, – Целльнер поелозил на стуле. – Но мы отвлеклись... Вернемся к моей теории. Скажите, господа, вы слышали ту историю про исчезнувшую роту солдат в Крыму?

– Вы имеете ввиду русско-турецкую войну?

– Да. Тут в Великобритании об этом мало говорили, но один мой знакомый является журналистом и освещал события на тех фронтах. Он первый написал об этом в Швеции. Перед сражением под Бухарестом ночью совершенно бесшумно пропала палатка с ротой российских солдат. Никто так и не узнал куда они делись.

– А, по-вашему, куда? – спросил мистер Чендайзер, закуривая трубку и выпуская в воздух ароматное облачко голландского табака. Предложенная пепельница ему не пригодится до тех пор, пока он не выкурит всю трубку.

– Я придерживаюсь мнения на счет параллельного мира. В том месте, где расположился полк Российской армии существует какая-то аномалия, позволяющая вещам из нашего про-

странства попадать в мир потусторонний! В мир духов, барабашек, домовых и так далее... Там и раньше исчезали люди.

Доктор Леманн как психиатр заинтересовался не на шутку сидевшим перед ним профессором Лейпцигского университета. Он внимательно смотрел на этого человека с крупным лбом и немецким акцентом, мысленно ставя кое-какие диагнозы.

– Простите, мистер Целльнер, – сказал он, проведя рукой по бороде, – Я не вижу связи между палаткой с ротой дезертиров и выходками домовых. Объясните, пожалуйста.

Мистер Целльнер охотно перевел взгляд от своего компаньона Слэйда на доктора Леманна, задавшего этот вопрос.

– При перемещении из одного пространства в другое материя распадается! – заявил он, подняв вверх указательный палец. Теперь он читал некую лекцию для двух человек. – Но остается некий определенный энергетический заряд. Потому-то мы и не можем видеть духов, но зато их как бы чувствуем. Мы чувствуем энергию, вышедшую из когда-то живого человека. Душу! Понимаете? – Леманн и Чендайзер опять переглянулись, но ничего не сказали. Один из них затыкнул трубку. Целльнер продолжал: – Вещи из нашего материального мира могут переходить в нематериальный, превращаясь в сгусток энергии. А потом этот энергетический сгусток вновь может стать материальной вещью!

Приглашенный доктор Леманн изучающе наблюдал за объясняющим основы нематериального измерения мужчиной в очках. Чистый взгляд доктора физико-математических наук, профессора астрофизики и разработчика оборудования для спектроскопических измерений солнечных протуберанцев говорил, что он или верит в то, что говорит, или первоклассный актер. И то и другое плохо сочетается с должностью профессора астрофизики в Лейпцигском университете. Единственный диагноз, который поставил доктор Леманн – начальная стадия шизофрении. Однако, что еще скажет Целльнер?

– То-есть, вы хотите сказать, что любая вещь может пропасть в никуда и появиться из ниоткуда? – осторожно спросил Леманн. – Я вас правильно понял, мистер Целльнер?

– Да, именно! – воскликнул обрадованный профессор и вновь заелозил на стуле. – Я, правда, еще не могу четко объяснить, что именно с ними происходит, но то, что они становятся нематериальными, а значит – невидимыми – это факт! Вот в этом и состоит моя теория.

– А призраки и домовые – это те же люди, только тоже перешедшие в другое пространство и ставшими невидимыми?

– Им не надо становиться невидимыми, они переходят в другой мир после своей смерти, оставляя физическое тело здесь. Если хотите – они, мы, вы, я, все станем невидимыми после смерти! – Наступило молчание. Фридрих Целльнер дал гостям немного подумать и добавил: – А если нет физической материи, значит нет и физических законов. Такие понятия, как время, масса, объем, количество – становятся условными. Как, например в упомянутом мною месте под Бухарестом, где могут пропадать люди! Я не слишком сложно объяснил, господа? – гости отрицательно покачали головой во все глаза глядя на странного профессора.

– Э... Мистер Целльнер, ваша теория достаточно смела... – покашлял в кулак доктор Леманн, окончательно убедившись в своем диагнозе, – Но можете ли вы доказать ее на практике? Если вы не забыли, то ваш приятель, глубокоуважаемый мистер Слэйд, обещал нам вызвать дух покойного человека.

– И насколько я знаю, – сказал сидящий в мягком кресле мистер Чендайзер, – речь шла о конкретном человеке. О королеве Елизавете I.

– То-есть вы настаиваете именно на королеве? – уточнил Генри Слэйд. Оба гостя кивнули, они хотели вызвать дух (или как говорил Целльнер – энергетическую концентрацию) королевы Елизаветы I и на предварительном собеседовании гастролирующий в Лондоне мистер Слэйд пообещал это устроить.

– Именно для этого я вас сюда и пригласил, джентльмены, – кивнул профессор Целльнер. – Показать опытным путем, все то, что я сейчас говорил. Мистер Слэйд, прошу вас. – Генри Слэйд, все это время молча стоявший у окна, оживился. – Сейчас мистер Слэйд продемонстрирует вам эффект так называемой «психографии» или, другими словами – «непосредственного письма». Джентльмены, не могли бы кто-нибудь из вас одолжить записную книжку?

Джереми Чендайзер, закусив мундштук курительной трубки зубами, протянул свою записную книжку в картонном переплете. Теперь он внимательнее наблюдал за Слэйдом и, так же как и доктор Леманн, хотел узнать настолько же этот гастролирующий жулик ненормален, как и профессор. Или красавчик лишь использует авторитет профессора в корыстных целях?

Слэйд открыл книжку наугад.

– Итак, джентльмены, как вы видите, эта страница пуста, – Слэйд показал пустую страницу присутствующим и все кивнули. – Собственно как и вся книжка, за исключением нескольких страниц. Это я говорю вам, доктор Леманн, ибо мистер Чендайзер и так это знает. Что вы так на меня смотрите? Можете осмотреть книжку, если мистер Чендайзер разрешит.

– Нет, не стоит, – ответил доктор Леманн, – Продолжайте.

– Джентльмены, теперь отнесемся ко всему происходящему предельно серьезно, игра с четвертым измерением не терпит смеха. Итак, начнем. Каждый из присутствующих должен сконцентрироваться на человеке, которого он хочет увидеть, в данном случае это королева Елизавета Первая. Мы должны мысленно представить ее, позвать ее, пожелать изо всех сил и тогда, благодаря моему таланту медиума я постараюсь вызвать ее к нам. В наш материальный мир. Прошу тишины, господа.

Генри Слэйд достал из кармана пиджака огрызок карандаша, в длину не больше мизинца. Он положил его между страниц записной книжки Джереми Чендайзера. Карандаш был совсем маленький и полностью закрылся страницами. Какое-то время Слэйд держал книжку двумя пальцами, словно боялся обжечься и делал рукой плавные движения. Плюс к этому он еще и беззвучно шевелил губами, хотя за пышными усами этого было не видно. Затем он положил книжку на стол перед гостями. Чендайзер и Леманн в очередной раз переглянулись и потянулись к этой книжке, но неожиданно Слэйд пододвинул ее на самый край и сделал гостям жест, что бы они ее пока не трогали.

– Минутку терпения, джентльмены, мы должны получить подтверждение того, что дух королевы действительно явился к нам сюда и готов к диалогу, – сказал он, почему-то глядя не на гостей, а на профессора Целльнера, который как-то уж больно напряженно держал руки не на столе, а под ним. – Профессор, подайте мне доску.

Оказывается Целльнер держал на коленях небольшую школьную доску, на которой обычно тренируются мелом в письме и счете младшие школьники. Он положил ее на стол.

– Пожалуйста, господа, можете осмотреть, – сказал Фридрих Целльнер и поправил очки на носу. На самом деле досок было две – они были скреплены между собой, образуя что-то вроде сложенной шахматной доски. Изнутри они были покрыты черной краской для черчения мелом. Между собой доски скреплялись шнурками по всему периметру, сейчас шнурки были развязаны. Но Леманн и Чендайзер только мельком взглянули на эту доску, продолжая сверлить взглядами лежащую на краю стола записную книжку в картонном переплете со вложенным в нее карандашом. Профессор Лейпцигского университета заулыбался маленькими мятыми губами. – Я понимаю, джентльмены, что я произвожу впечатление балаганного фокусника и вы думаете что же я буду делать с этой книжкой? Так? А ничего, господа! Все уже готово. Посмотрите.

Доктор Леманн взял книжку, раскрыл ее, выложил карандаш на стол, провел ладонью по бороде... Осмотрел карандашик... За окном по всей улице проехал раздолбанный кэб, прежде чем доктор передал книжку мистеру Чендайзеру.

– Взгляните-ка, уважаемый Джереми.

Чендайзер с насупленными бровями задумчиво попыхивал трубкой, рассматривая страничку. Он резко встал со скрипучего кресла и, подойдя к окну, склонился к голубоватому фонарю, силясь прочитать написанное. На страничке были неаккуратные размашистые каракули, будто несмышленный ребенок решил поимитировать взрослое письмо или сильно пьяный портовый грузчик расписаться на память. Что было написано – непонятно, но пару букв можно было разобрать. И мистер Чендайзер узнал эти каракули, он даже вынул изо рта трубку, боясь выронить ее на пол, когда у него непроизвольно раскрылся рот – это была роспись некоей Молли Холтрин – его бывшей возлюбленной. Только она так характерно писала заглавную букву «М».

– Это неудачная шутка, мистер Слэйд! – жестко произнес он. – Очень неудачная!

– Мистер Чендайзер, я прошу прощения, но я даже не знаю, что вы там увидели, – ответил Слэйд. – Честно говоря, мне и самому это интересно.

– Роспись Молли Холтрин – моей бывшей невесты, которую я когда-то любил и намеревался жениться на ней, когда скопил-бы денег на комнату, где мы могли бы жить. Это было когда мы с ней были еще юными, она училась в колледже в Гарварде. Только она скончалась! Умерла! Проклятый тиф! Больше десяти лет назад, если вам угодно! – Джереми Чендайзер раздраженно швырнул свою записную книжку обратно на стол и яростно всосался в трубку. Слэйд и Целльнер по очереди осмотрели страничку.

– Это не похоже на руку королевы, не так ли, мистер Слэйд? – не без упрека промолвил доктор Леманн.

– Э... Полагаю... Я ведь предупреждал, что не во всех случаях на сеансах являются энергетические духи именно тех, кого я вызываю. Иногда сила духа ушедшего не находит упокоения и проявляет инициативу вопреки нашим пожеланиям. Должно быть душа юная леди сама хочет говорить...

Мистер Чендайзер притих и нахмурил брови. Помолчав минуту, он тихо признался, что, в глубине души хотел-бы увидеть и услышать свою бывшую возлюбленную гораздо сильнее, нежели королеву, о которой ему, честно говоря, нет никакого дела. «Столько лет прошло, столько лет, – признался он, – я уже женился и у меня сын. Но... я... не было такого дня, чтобы я не вспоминал о Молли. И сейчас тоже».

– Все правильно, душа покойной мисс Холтрин была вызвана вашим сильным желанием. – кивнул Слэйд и показал на блокнот. – Это и есть послание с того мира. Это и есть именно то, о чем я говорил. Психография!

– Какая еще к чертям психография!!!

– Это означает, что дух вашей бывшей невесты присутствовал или и сейчас присутствует здесь, – Слэйд положил руку на плечо гостю.

Чендайзер резко вернулся в свое кресло. В присутствии духа Молли Холтрин он не верил, но тогда как могла появиться ее роспись? Поглощенный смутными раздумьями, он выдернул листок из своей записной книжки и порвал его! Роспись делала ему больно.

– Значит здесь в этом помещении, но где-то в четвертом пространстве потустороннего мира присутствует дух юной леди, бывшей возлюбленной мистера Чендайзера? – уточнил доктор Леманн. Слэйд кивнул. Гости переглянулись и на минуту помещение окунулись в тишину.

– Так что это за доска, мистер Целльнер? – доктор Лемман решил сменить тему. – Вы, кажется, хотели еще что-то показать?

– Да-да. Но это не моя доска, а мистера Слэйда. Он и будет показывать. Это специальное устройство, позволяющее общаться с духами при помощи письма. Так называемый «почтовый ящик».

Генри Слэйд положил между досками крошечный кусочек мела, закрыл их и затянул шнурки.

– Глубокоуважаемые джентльмены, вы видели, что доски были чистыми, – громко произнес Слэйд. – Сейчас на них должны появиться слова. Эти слова напишет присутствующий здесь с нами дух. Предположительно, это дух покойной мисс Холтрин.

Генри Слэйд сжал кулаки и закрыл глаза. Он задумчиво и напряженно совершал двигательные движения по воздуху доской. Его глаза были закрыты, усы встопорщились, а на висках появились холодные капли пота. Во время этих своих волновых движений Слэйд секунду держал завязанную доску ниже поверхности стола, где приглашенные гости не могли ее видеть, но тут же поднял ее и положил на стол. Теперь он касался ее только кончиками пальцев.

За окном пробил Биг-Бэн. Стая разбуженных голубей взметнулась в небо, пролетая мимо фонаря, и тени от них заплясали в гостиничном номере в ненормально-бешеной пляске.

– Ну, что? – шепотом спросил Леманн. – Готово?

– Нет... Еще нет... Еще не написано...

Но тут же мужчина, называющий себя медиумом и левитатором открыл глаза и заявил, что все-таки уже написано. Он развязал шнурки и доска, слабенько скрипнув, раскрылась. Больше Слэйд ничего не говорил, он просто пододвинул доску гостям. Доктор Леманн, сидевший ближе мистера Чендайзера, отложил мелок и прищурился. На черном фоне была написана фраза. Правда, не одного слова понять было невозможно, настолько неаккуратно было написано. И вообще, это был не английский язык. Доктор Леманн сказал, что это греческий, ибо здесь явно различимы буквы «тета» и «пси».

Гости взяли доску для более тщательного осмотра, но ничего интересного они не обнаружили – каких-то скрытых отсеков не было, открыться она не могла – шнурки надежно держали обе створки по всему периметру.

– Кажется, я знаю, как вы это сделали, мистер Слэйд, – сказал доктор Леманн. – Когда вы двигали доской по воздуху – мелок между створками перемещался и оставлял после себя следы...

– И писал по-гречески? – в свою очередь, спросил у него Слэйд.

– Ладно... И как же вы, мистер Целльнер, научились это делать? Призывать духов.

Мистер Фридрих Целльнер, все это время сидевший почти недвижно, блеснул голубым светом фонаря, отраженного от стекол очков и сказал:

– Извините, джентльмены, я бы хотел это оставить моим секретом. Пока.

– Хорошо. Фокус с психографией вам удался, – сказал Леманн, – мы с мистером Чендайзером заинтересовались этим явлением, но можете ли вы сделать так, что бы исчезали вещи, ведь вы говорили, что на это способен любой человек. Вот мы с мистером Чендайзером, признаемся честно, на это пока не способны и нам будет очень любопытно посмотреть на это хотя бы со стороны. А так как вы обладаете небольшим секретом, который нам пока не открываете, то попросите самих духов, что бы они превратили, например, вон ту чернильницу в нематериальную, а значит невидимую вещь. Можете вы сделать так, что бы чернильница исчезла?

Целльнер надолго задумался, а Слэйд нервно затеребил пуговицу у своего пиджака. И вдруг, когда Леманн и Чендайзер уже не рассчитывали на согласие, профессор астрофизики Фридрих Целльнер кивнул, удивив даже своего подручного Генри Слэйда.

– Если хотите! – громко произнес он. – Я покажу вам еще кое-что, но это будет не чернильница, а веревка. Я завяжу не ней узлы, не притрагиваясь к ней. Господа, для этого приема я должен подготовиться, если хотите, то мы можем провести дополнительный сеанс завтра

Гости полушепотом посовещались и кивнули.

– Единственный нюанс, профессор, – произнес доктор Леманн, – Мы с мистером Чендайзером хотели-бы что-бы на этот раз вы провели фокус на нашей территории.

– Извольте, господа. Где-же?

Чендайзер предложил паб «Тритон», что у Королевского театра на Друри-Лейн.

– Почему-бы и нет? – ответил Целльнер. – Да, и принесите с собой любую веревку, длиной фута два с печатями на концах, что бы не думали, что я ее незаметно поменяю. Итак, до завтра, джентльмены.

Уже спускаясь по накрытой матерчатой дорожкой гостиничной лестнице мистер Чендайзер остановил доктора Леманна и долго не решался в чем-то признаться. Лестничные доски под ботинками пижонистого джентльмена немилосердно скрипели, когда он в нерешительности склонился к спутнику и всё-таки собрался с духом и тихо в полголоса сообщил своему другу, что его возлюбленная Молли Холтрин родом из греческого города Халкида. До десяти лет ее звали Мелитта Голитирис.

На улице с ночи шел крупный дождь, превращая многие тротуары в русла рек. Жители Лондона старались сидеть дома, пить грог, есть жареную утку и греть ноги у каминов. Только немногие несчастливцы быстрым шагом двигались по улицам, сутулясь под зонтами, да кони, запряженные в кэбы цокали по каменным мостовым.

Одним из немногих активных и насыщенных жизнью мест в этот час был паб «Тритон», что ещё в позапрошлом веке разместился в одном из зданий на Друри-Лейн и являющийся пристанищем для эксцентричных театральных актеров, тушащих душевные порывы пинтой-другой холодного пенистого эля.

Почти в центре зала между четырех поддерживающих свод колонн поставили бильярдный стол и расставили табуреты. За столом в самом центре сидел профессор Фридрих Целльнер, источающий аромат достаточно дорогого одеколона, по обе его руки нашли свои места господа Альфред Леманн и Джереми Чендайзер. Каждый из них по заранее рассчитанному уговору наблюдали за руками профессора. Чендайзер – за левой, Леманн, соответственно – за правой. А по другим сторонам бильярдного стола расселись множество местных завсегдатаев, которых мистер Джереми Чендайзер по старой дружбе любезно пригласил засвидетельствовать некий необыкновенный факт, который в случае удачного исхода будет подтверждён и распространён из уст в уста по всему городу. Среди приглашенных фигурировали пара не представившихся журналистов, мысленно потирающих ручки от предстоящего разоблачения. Людей собралось достаточно много чтобы они не только сидели напротив профессора, но и толпились вокруг стола в три ряда, задние из которых то и дело намеревались высунуться вперёд и воочию увидеть происходящее за столом. На столе не было ничего, пустые сеточки для бильярдных шаров постоянно щекотали множество мужских колен. Хозяин заведения настрого запретил ставить кружки с пивом на синее сукно, но курить в пабе не запрещалось никогда и посему над потолком зала сейчас, как и всегда, витал сизый дым.

А мистер Генри Слэйд сидел в стороне, хмуро держась за лоб и болезненно морща скулы. На вопрос доктора Леманн, Слэйд сослался на мигрень, которая часто случается с ним в такую погоду и попросил прощения за то, что не сможет сегодня участвовать в сеансе.

– Наш друг Генри присутствует здесь с нами лишь как свидетель. Весь опыт я проведу один, – объявил Целльнер, укоризненно глядя на потупившего взор приятеля-медиума. Толпа неодобрительно забормотала, затопталась, но быстро вернулась в прежнее состояние сосредоточенного наблюдения.

Перед тем как дать профессору Целльнеру принесенную верёвку доктор Леманн сперва передал ее по кругу, дабы каждый желающий мог самолично удостовериться в ее целостности и отсутствию каких-либо изъянов или скрытностей. На концах веревки были поставлены сургучные печати с незамысловатыми орнаментом, которые доктор Леманн сделал пуговицей от своего пиджака.

– Что-ж, я обещал завязать на веревке узлы, – сказал Целльнер, держа ее в руках.

Толпа закивал.

– Без помощи рук, хочу заметить, – мистер Чендайзер провел кончиком пальца по пижонским усикам и пыхнул трубкой.

Толпа вновь отозвалась киванием голов.

– Да, без помощи рук. Я только буду держать веревку за концы, но завязывать не буду. Она завяжется сама.

Из отдаленного угла, где сидел мистер Слэйд раздалось недовольное покашливание. Профессор астрофизики и гости повернулись и увидели, как он нетерпеливо елозит на стуле. Пришедшим джентльменам стало понятно, что гастролирующему медиуму очень не хочется присутствовать при этом сеансе. Вообще этот мистер с пышными усами вел себя сегодня как-то странно.

– Значит сама? – ещё раз спросил доктор Леманн у мистера Целльнера.

– Сама.

– Ну, наверно, все-таки не сама, – проводя ладонью по окладистой бороде доктор психологии не скрывал скептической улыбки, – а с помощью духов?

– Да, если хотите.

– Скажите, мистер, а вы раньше это уже делали? – выкрикнул кто-то из присутствующих.

Целльнер сжал губы и еще раз покосился на Слэйда.

– Нет, – признался он и толпа загомонила, – Но я уверен, что все получится. Должно получится! – Он попросил небольшую коробочку, которую принес с собой и оставил у Слэйда. Коробка была из толстого картона, оклеенная черной бумагой. Из коробки профессор достал отрезок черной ткани. – Если хотите, осмотрите, – предложил он ротозеям, – Что-бы вы знали – коробка из-под настенных часов.

Коробка была обыкновенной, без всяких хитростей. Ткань тоже. Целльнер положил в эту коробку принесенный доктором Леманном шнурок, но так, что концы с печатями остались снаружи. Закрыв коробку, он взял веревку за концы двумя руками.

– Кто-нибудь наройте коробку тканью, – потребовал он и один из сидящих напротив (работник сцены из неподалеку стоящего театра) выполнил его приказание. Его толстые пальцы как можно осторожнее накрыли коробку и даже разгладили складочку. Целльнер закрыл глаза и сосредоточился. Началось томительное ожидание. Народ боялся оторвать взгляды от странноватого профессора из Лейпцига, все молча терпели, не решаясь нарушить общее будто церковное молчание. Шли минуты. Целльнер оставался недвижим, кто-то из толпы хотел отбросить какую-то шуточку, но его затрещиной оборвали на полуслове. Три минуты.

Пятая минута...

По тепе стали проходить небольшие волны бормотания.

Десять... Некоторые отошли и взяли кружки пива.

Пятнадцать минут...

У Джереми Чендайзера вдруг заколыхался дымок, шедший из его трубки, как если бы было колебание воздуха. Но откуда оно могло взяться, если никто не шевелиться? Факт, в общем-то, ни о чем не говорящий, однако гость погасил трубку. Ему, почему-то, расхотелось курить.

– Все, – произнес профессор астрофизики Лейпцигского университета, – ткань можно убрать.

Тот-же самый работник театральной сцены теми же толстыми пальцами снял ткань и осторожно открыл коробку. Целльнер поднял веревку так, чтобы ее было видно всем. Даже Слэйд приподнялся со стула и подошел к компании.

Шнурок каким был, таким и остался. Без единого узелка.

Наступило неловкое молчание. Никто не знал, что сказать и только рассеянно переглядывались. Целльнер непонимающе уставился на веревку, а потом поднял глаза на мистера Слэйда. Тот только развел руками.

– Ну... Господа должны понять, что это первый опыт, – виновато сказал гостям мистер Слэйд, – а первый блин часто бывает комом... Но если мистер Целльнер решит повторить...

Профессор засуетился, вновь кладя шнурок в коробку и накрывая его тканью.

– Да-да... джентльмены, прошу прощения, с первого раза не вышло, но я сейчас повторю... Минутку терпения.

Второй раз профессор Целльнер сидел дольше и внешне напоминал молящегося. На его висках выступили капли пота, а кончики пальцев, держащие концы веревки заметно дрожали как будто в такт стуку дождевых капель.

Но и во второй раз результат не отличался от первого. Узлы, к невероятному удивлению мистера Целльнера, не завязывались!

Присутствующие стали терять интерес и расходиться. Многие махали руками и ухмылялись, вернувшись за свои столики и достав игральные карты, они с улыбкой поглядывали над безуспешными повторениями одного и того-же действия с коробкой и шнурком. Оборванная недавно шутка была-таки произнесена в полный голос и одобрена половиной присутствующих смехом и презрительными взглядами.

Слэйд чесал кончик носа и исподлобья посматривал на начало фиаско. Хозяин паба прозрачно намекнул на то, что неплохо было-бы освободить единственный бильярдный стол.

Профессор с непредвиденной ловкостью вскочил с табурета раздраженно заставил наиболее горластых отойти и не мешать, снял пиджак, попросил воды, убрал со стола все лишнее, отер взмокший высокий лоб и опять повторил попытку. Как ни странно, узелков по-прежнему не оказалось.

– Мистер Целльнер, может быть попробовать что-нибудь попроще? – спросил доктор Леманн, которому вся эта канитель порядком надоела. Чендайзер заказал сразу три кружки эля и, игнорируя ворчания профессора, дерзко пил их одну за одной.

Но Фридрих Целльнер с ненормальным упорством повторял этот опыт, хотя уже никто (включая и самого профессора) не верил в ожидаемый результат. К концу подходил второй час и за бильярдным столом остались только самые упертые, даже журналисты давно отвернулись и, наслаждаясь элем, беседовали о пустяках. В своем темной углу сидел мистер Слэйд, так безмолвно и скромно, будто его и вовсе не было. Только топорщились его усы и ладони с силой мяли друг друга.

На седьмой попытке мистер Чендайзер встал из-за стола и чуть пошатываясь от алкогольного опьянения, пошел в туалетную комнату. Проходя мимо Слейда, он на минуту остановился и наградил того кривой усмешкой.

– Что-то не выходит с вашими фокусами, Слэйд? – заплетающимся языком проговорил он. – Смею предположить, что завтра утренние газеты могут написать обличающую статью, вы так не думаете?

Реакцией от Слэйда было озлобленное выражение глаз.

«Этот трюк со шнурками загодя был обречён на неудачу, – прошипел Слэйд не размыкая губ. – Профессор переоценивает свои возможности, но не слушает меня. Он так неопытен и так наивен!»

Остолбеневший Джереми Чендайзер воззрился на мистера Генри Слэйда. Неужели тот и впрямь произнес это не открывая рта. В отличии от имеющего тонкую полосочку темных усиков мистера Чендайзер, гастролирующий по Европе Слэйд обладал усами пышными и вероятно поэтому окружающим не всегда было видно движение его губ, но...

– Отчего вы останетесь в стороне от вашего друга? – спросил Чендайзер, намереваясь ещё раз услышать голос Слэйда и удостовериться, что он звучит именно из уст джентльмена, а не образовывается непосредственно в голове Джереми. – Согласитесь, бестактно смотреть на бедного профессора, ведь очевидно, что у него ничего не получится. Так почему-бы вам,

мистер, не помочь ему? О вас ходят слухи как о профессиональном... э... напомним-ка мне это определение... нет, не мошенник... медиум.

«Кажется вы попытались поддеть меня? И кажется вы думаете, что вам это удалось?» – прозвучал голос Слэйда в голове Чендайзера и тому пришлось растеряться. Собравшись с духом мистер Джереми Чендайзер подошло вплотную к продолжающему сидеть Генри Слэйда и вполголоса сказал:

– Мистер Слэйд, мы с моим уважаемым другом доктором Леманном склонны предполагать, что вы ни кто иной как мошенник и целью нашего прошлого визита было как раз удостовериться в этом. Признаюсь, в прошлый раз вам удалось произвести на нас с доктором определенное впечатление, но сегодня, здесь в этом пабе ни вы ни ваш наивный профессор не сможете добиться сколь-бы то ни было значимого результата. Вы сядете в лужу, мистер Слэйд и испортите репутацию не только себе, но и уважаемому профессору Целльнеру, так истово верующего в свои фантазмагорические теории четвёртых измерений и потусторонних миров.

Слэйд сощурился и, казалось, приготовился к нападению, которое он, без всяких сомнений, мог бы совершить, окажись они вдвоем без целой толпы свидетелей.

– Как бы вы не старались, – продолжал Джереми Чендайзер, придав выразительному лицу выражение снисходительного признания, – какие-бы трюки не использовали – у вас не получится ничего. Я же знаю, что прятали кусочки угольков, мелков и графитовые крошки в рукавах и под ногтями как рук так и ног. Я знаю не только это. Так что теперь советую вам, пока ещё не поздно окончательно не пасть лицом, собраться, исчезнуть и более не напоминать о своем существовании. И тогда, обещаю, мы с мистером Леманном снимем свои претензии и объяснимся с журналистами. В противном случае завтра после выпуска утренних газет вас осмеют как самого отъявленного жулика! Повторяю – у профессора ничего не выйдет. А знаете почему? Не только потому, что его теория пустая болтовня, но ещё и потому... – Чендайзер склонился к самому уху багровеющего собеседника, невольно дыхнув на него смесью эля и трубочного табака, – что вы забываете, что моя Молли Холтрин, дух которой вы с профессором так стараетесь вызвать была девушкой. Девушкой, мистер Слэйд. И весьма воспитанной и утонченной, она увлекалась историей искусств и поэзией. И если вы ещё не поняли, то ставлю вас в известность, что она никогда-бы не позволила себе войти в двери паба! Ни за что! Оказаться среди толпы пьяных и курящих джентльменов для нее было-бы немыслимо! Посему, мистер Слэйд, советую прекращать этот нелепый балаган и более не тратить наши шиллинги на аренду бильярдного стола.

– Так вот почему... – мысленно прошипел едва сдерживаемый от гнева Слэйд. – То-есть вы умышленно пригласили нас в такое место, где нас ждала неудача? Ах, вот как!

Воцарившееся между ними звенящее молчание прервалось скрипучим как у умудренного годами старца голосом мистера Генри Слэйда. За весь диалог с Чендайзером не разомкнул уст, его усы оставались неподвижны и Джереми уверял себя, что ментальный голос в голове – это результат алкогольного опьянения и постороннего шума в помещении.

«Вы вынуждаете меня на крайние меры, мистер Чендайзер, – шелестел морским бризом голос Слэйда, а взгляд его будто прищиплил Джереми к полу, – Теперь слушайте меня! Слушайте и смотрите на меня... Вы меня слушаете?»

Секунда. Вторая. Третья. Еще. Струна незримого соединения. Две пары глаз. Пятая секунда. Шестая... Расфокусировка периферического зрения. Седьмая... Восьмая... Медленный нерешительный кивок.

«Теперь делайте то, что я вам скажу... только то, что я вам скажу...»

Спустя некоторое время мистер Генри Слэйд вышел в центр зала и во всеуслышании громко объявил, что он с профессором Целльнером собираются сделать последнюю попытку завязывания узелков. Последнюю. Он пригласил уже разошедшихся гостей вернуться к бильярдному столу, под свою ответственность разрешил им ставить кружки с элем прямо на

сукно. Пообещав, что эта попытка будет самой последней и если и она обернется неудачей, то он с профессором отдаст себя на милость всеобщего порицания и публично пообещает снять с себя бремя мериума и навсегда прекратить практиковать подобные сеансы. Зал зашевелился, заговорил и в несколько минут сконцентрировался вокруг стола, окружив белого от напряжения профессора Целльнера и доктора Леманна гонимой толпой. Последняя попытка, вот сейчас-то все и решиться! Вновь стали осматривать коробку, материю и верёвку с печатями.

– Вы не видели мистера Чендайзера? – спросил доктор Леманн, так и не дождавшись своего компаньона, следящего за левой рукой профессора. – Джентльмены, будьте любезны, позовите нашего Джереми. Кто-нибудь его видел?

– Мистер Чендайзер покинул паб, – сказал хозяин «Тритона», помогая подвигать стулья. – Он сказал, что ему поплохело, он выглядел скверно, надо сказать. Наш друг на этот раз перебрал с элем. Надо понять, джентльмены, у каждого из нас бывало такое, не правда-ли.

Итак, начали последнюю попытку. Под строгим присмотром уже утомленного доктора психологии Альберта Леманна профессор Фридрих Целльнер уложил верёвку в коробку, оставил концы снаружи, накрыл все это черной материей и, страдальчески зажмурившись, принялся ждать. Его детский рот беззвучно выдавливал отрывистые выдохи, капли пота выступили на высоком лбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.